

Валерий ЗОЛОТУХИН:

«ПОМНИТЬ,
ОТКУДА МЫ
РОДОМ...»

ВАЛЕРИЙ Золотухин родом из тех же мест, что и Василий Шукшин. И, видимо, не случайно в творческой манере Золотухина проглядывают шукшинская цепкость, умение малыми средствами выразить многое, значительное. Достаточно вспомнить созданные актером образы буденновца Петьки Трофимова (фильм «Пакет»), милиционера Сережкина (кинотрилогия «Хозяин тайги», «Пропажа свидетеля» и «Предварительное расследование»), гайдаровского Бумбараша из одноименной телевизионной ленты. В репертуаре Золотухина и сложнее образы русской классики — Грушницкий, Раскольников. Недавно актер снялся в трехсерийном телевизионном фильме «Маленькие трагедии», где он сыграл Моцарта.

— Фильм этот поставил Михаил Швейцер. Вы снимались и в предыдущей его картине — «Смешные люди» по рассказам Чехова. Хотелось бы знать ваши суждения об экранизации классики.

— По поводу экранизации классики, переноса ее на сцену немало ломалось копий, — говорит Золотухин. — Когда-то «стояли перед классикой на коленях». Затем началась полоса ретивого «осовременивания». Конечно, хорошо, когда тонко улавливают современные интонации, акцентируют внимание на тех моментах произведения, которые звучат актуально. Однако тут важно не допускать отсебятины, не впадать в вульгарность, не выводить, скажем, Моцарта «на асфальт».

Создателей спектакля или фильма не упрекнул в вольном обращении с испытанной временем книгой великого писателя, если инсценировка или фильм сделаны талантливейшей рукой, зададут сердце публики. К примеру, мне нравится работа Тетра на Малой Бронной «Брат Алеша». Драматург В. Розов решил перенести на сцену лишь одну тему гениального романа Достоевского — мальчики. История Алеши Карамазова, проблемы, его волновавшие, переданы удивительно верно, правдиво. Важно таким образом, чтобы стиль и интонации писателя остались в чистоте.

— Какие роли, по-вашему, более способствуют актерскому самовыражению — из классического репертуара или современные?

— Когда мы противопоставляем понятия «классика» и «современность», мы, наверное, грешим против истины. Ведь созданная сегодня та или иная вещь, в которой автор сумел ярко запечатлеть дыхание жизни, нащупать ее болевые точки, возможно, выдержит испытание вре-

менем и перейдет в разряд классики.

Если припомнить мой актерский опыт, роли, которые мне помогли явственней проявить себя, свои возможности, то я бы назвал князя Егорушку из «Цветов запоздалых», Яшку Турка из «Певцов» Тургенева (фильм назывался «Жизнь и смерть дворянина Чертопанова»). Собственно, роль Яшки состояла лишь в одной песне, старинной русской песне, которую поет этот человек, и как он пением говорит о наболевшем, о своем времени.

— Для вас пишут известные композиторы, вы извлекаете «из архива» старинные песни, как, например, было с песней «Ой, мороз, мороз», которую пел ваш герой — милиционер Сережкин в «Хозяине тайги». Наверное, таким путем актер нащупывает образ героя через музыкальную драматургию?

— Удача подстерегает нас тогда, когда композитор и поэт чувствуют природу исполнителя, его индивидуальные данные — манеру, голос. Такое триединство, на мой взгляд, оказалось удачным в «Бумбараше». В моноспектакле «Анна Снегина» песни помогают создать настроение лирического героя пэсмы, от лица которого ведется рассказ. Я пою здесь старинные русские песни. Они, как мне кажется, настраивают зрителя и слушателя на восприятие самой осенней поэзии, песенной по существу. Русская песня и поэзия Есенина — это две сестры.

Петь вообще нельзя. Песня должна лечь на сердце. Однажды я спел «Горят пожары». Меня похвалили за то, что я нашел неизвестную песню. А ведь ее исполняют много лет. Но в хорошем звучании она не трогает душу, не запоминается. Почему? Потому, что песня эта интимная, исповедальная. И представить такую картину, когда исповедуются сто человек разом!

— Кто из композиторов помогает вам в работе над песней?

— Не забыть мне уроков Марка Блантера. Однажды на студии я записывал песню «Как служил солдат службу ратную» (на стихи К. Симонова). Вдруг появляется Блантер и машет руками: «Ты что — Шалыпин?» — «Нет». — «А почему поешь под Шалыпина? Пошли к роялю!» И

он стал объяснять, как нужно петь: «Ты видел когда-нибудь, как рыбак вяжет сесть? Сидит, вяжет и поет себе, для себя бесконечно, так как бесконечно тянется у него нитка. Или как нить из кудели у пряжи... Вот так и надо петь — просто, естественно». Я искренне благодарен композитору за науку. Ведь мало толку прокричать, проорать слова. Чтобы песня спелась, чтобы найти в ней трепетность, нужна сердечная боль, тоска. Даже веселые песни рождаются подчас, если у человека на душе несладко.

— Пожалуй, старинные песни хороши не только своими художественными достоинствами?

— Нам надо помнить, откуда мы родом, и передавать песни старины детям, внукам.

...Лет двенадцать назад не известный никому В. Шелепов предлагал редакции московских журналов рукопись своей первой повести «Дребезги». Так Валерий Золотухин делал первые шаги на писательском поприще (на тропу литературы он выходил, взяв фамилию матери). Через годы «Дребезги», соединенные с другой повестью — «На Исток-ренушку, к детству моему», вышли отдельной книгой. «Проза его мне нравится своим нетяжелым, как бы инструментальным отношением к ней и извлечением именно тех звуков, какие нужны», — замечал Валентин Распутин в предисловии к изданию.

— Литература становится дорогим для меня делом, — размышляет Золотухин, — хотя я знаю, что родная моя профессия — актерство. Почему я пи-

шу? С возрастом память все чаще возвращается к истокам, к детству. Важно, чтобы нити, ведущие от отчего дома, от корней твоих к зрелости, не оборвались. Когда же написанное на бумаге совпадает с эмоцией памяти, то наступает чувство равновесия.

Я люблю настроение фразы, слова, люблю звук слова, цвет слова. Простое бытописание меня не греет. Я не помню, были ли в действительности те факты, которые потом оказались в книге. Писать с натуры, на мой взгляд, непродуктивно. Автор зависит от своих воспоминаний. Была у меня в детстве ночь, когда я сочинил, вернее, вспомнил свою будущую жизнь. И часто теперь, когда со мной происходят те или иные события, мне кажется, что об этом я когда-то вспоминал.

— Бытует мнение, что актеру легче стать писателем. И что писатель отчасти должен быть актером. Ведь для того, чтобы описать персонаж, надо «залезть к нему в душу», перевоплотиться в него. Так ли это?

— По моему пониманию, писательство и актерство — профессии разные, мало совместимые. Актер постоянно имеет дело с чужим текстом, у него на слуху много, так сказать, заготовленных болванок — фраз, слов. Поэтому актеру, я бы сказал, труднее переключаться на литературный труд. Литература требует полнейшей отдачи, а не совместительства. Конечно, я не беру здесь феномен Шукшина.

— Когда состоится премьера новой книги артиста Золотухина?

— Я часто получаю письма, в которых люди советуют мне бросить театр, кино и заняться только литературой. Для того, чтобы решиться на такой шаг, надо быть уверенным в своих силах и, кроме того, иметь мужество. Литература может быть, как никакой другой вид творчества, требует отваги, ответственности. Литература первична, актерство же — это род исполнительства.

Есть у меня замыслы, но от замысла к воплощению — маршрут крутой. Ежедневно вот уже много лет я веду дневник. В нем материал для будущих произведений. Когда они состоятся, сказать трудно. Копилка наблюдений продолжает пополняться: идешь ли в магазин, слышишь ли беседу приятелей, занимаешься ли всякими бытовыми хлопотами, в тебе крутятся колесико — выпрыгивают образы, разговаривают слова, промерещивается музыка отдельной фразы. И от этого теперь никуда не денешься...

Вел беседу
Борис ВЕЛИЦЫН

Фото автора